

Максимов Владимир Владимирович

СПЕКТР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ВОЕННОЙ ПРОЗЕ О 1941-1945-Х ГГ.

Основная цель статьи заключается в стремлении расширить спектр методологических подходов к прозе, посвященной теме Великой Отечественной войны. Наряду с традиционными способами литературоведческих интерпретаций военных текстов, рассматриваются возможности и границы аксиологических, онтологических, технологических и феноменологических подходов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 119-121. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**ROLE OF MEMORY IN HISTORY. "THE BEWITCHED"
BY J. BARBEY D'AUREVILLY - HISTORICAL MEMOIR NOVEL**

Makarova Polina Aleksandrovna
Lomonosov Moscow State University
polina.makarova89@gmail.com

The article is devoted to the analysis of historical novel by J. Barbey d'Aureville "The Bewitched" (1855) in the context of understanding the role of memory in history and particularly in the representation of past event in fiction. The analysis is intended to detect the place of the writer's historical works in the tradition of historical novel genre in the XIX century. Consideration of "The Bewitched" in this context allows noticing that the images of the past in the novel get through the light of subjectiveness - the memoirs which intersecting and superposing onto each other make the special structure of narration of memoir novel.

Key words and phrases: historical novel; motive of dual memoir; memoir novel; theme of memory in history; local colour; object of historical memory.

УДК 82.0

Филологические науки

Основная цель статьи заключается в стремлении расширить спектр методологических подходов к прозе, посвященной теме Великой Отечественной войны. Наряду с традиционными способами литературоведческих интерпретаций военных текстов, рассматриваются возможности и границы аксиологических, онтологических, технологических и феноменологических подходов.

Ключевые слова и фразы: методологический подход; художественный смысл; военное произведение.

Максимов Владимир Владимирович, к. филол. н., доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
v_v_maksimov@rambler.ru

СПЕКТР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ВОЕННОЙ ПРОЗЕ О 1941-1945-Х ГГ. ©

В рамках литературоведения прозаическая традиция, посвященная событиям войны 1941-1945-х годов, осмысливается как особый тип художественно-эстетической организованности. На сегодняшний день в области исследования данной субтрадиции сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, сама тема теряет свою привлекательность и воспринимается даже как исчерпанная, с другой, те, кто еще изредка обращаются к ней, сталкиваются с рискованным полем - как об этом стоит сегодня думать и писать, не повторяя пройденного и ставшего привычным. Эта удвоенная неопределенность предмета осмысления является вызовом, так как разрыв между теоретическими и литературными практиками является крайне конструктивным пространством поиска и экспериментов. Здесь определяющим становится момент максимального расширения возможных метаязыков по отношению к проблеме военного повествовательного дискурса. На наш взгляд, контекст наличных способов литературоведческой аналитики стоит вписать в более широкий методологический масштаб. Мы полагаем, что необходимо выделять четыре предельных позиции: аксиологическую [1], онтологическую [3], технологическую [4] и феноменологическую [5].

Стандартный вариант **аксиологической** позиции реализуется литературными критиками, которые, выделяя основной предмет интереса, в данном случае ценности, как правило, сводят их к горизонту актуальной современности. Не безразличны к этому аспекту истории и теории литературы, которые с ценностным планом литературного произведения стараются работать процессуально, стремясь зафиксировать творческую эволюцию того или иного писателя как переход от одной системы ценностей к другой. В этом суммарном кругозоре военное произведение представляется как экспликация общезначимых этических ценностей воюющего коллектива. Такая концепция военного произведения имеет две, как минимум, ненадежные точки. Во-первых, непонятно, что делать с теми произведениями, в рамках которых не обнаруживается социально-коммуникативное соотношение коллективного и индивидуального, а во-вторых, крайне сложно обходиться с текстами, авторы которых странным образом не замечают обязательную для канонической военной эпики проблему героизма (и ее теневую ценностную грань - тему предательства). Вообще в горизонте «аксиопоэтики» (И. П. Смирнов [6]) основополагающая категория «ценностей» заслуживает более тщательного анализа и системной проблематизации. По Бахтину, художественные ценности необходимо отграничивать от нравственных и познавательных [1]. Ценностное напряжение познания (авторское усилие) лежит в области поиска художественной правды; нравственное насыщение ценностного опыта обнаруживается в прямом поступке человека (и его художественного аналога - самоопределении литературного героя); эстетическая ценность определяется стратегиями воплощения и **завершения** художественного целого произведения. Пока автор находится в сфере нравственно-познавательной активности, художественный ценностный опыт и сама возможность создания литературного

произведения для него остаются закрытыми. В лучшем случае, писатель может создавать стилизованные и беллетристические версии идеального военного произведения. Поэтому само пространство национальной военно-эпической традиции выглядит как крайне причудливая смесь произведений различного художественного достоинства и эстетического качества, внутри которого критики, историки и теоретики абсолютно по-разному распределяют, оценивают и осмысливают литературные произведения.

Что касается противоположной по своему характеру **онтологической** позиции, то здесь необходимо учитывать один момент, связанный с тем, что художественная онтология всегда конструируется автором и реконструируется исследователем. В пространстве национальной военной эпики стратегии онтологического конструирования ограничены четырьмя основными направлениями, которые определяются той или иной онтологической сверхидеей: «Космоса», «Бога», «Природы», «Истории» [3]. Удивительно то, что в этом поле конкурирующих онтологических стратегий антропологический фактор не имеет самостоятельного статуса, а если кто-то из военных писателей пытался ему такой акцент задать, то это являлось фактом известного творческого компромисса. В целом вертикальное соотношение в рамках системно-типологического видения «ценностей» и «смыслов» может быть перевыражено на языке культурологии как соотношение инноваций и традиций. «Смысл», по своей сути, принадлежит к области предания и прошлого, он преднаходится автором в зоне экологии культуры, «ценность» всегда виртуальна и проектна по своему статусу и принадлежит только будущему [Там же]. Это разграничение является обязательным, так как оно открывает видение момента перехода от коллективных (принцип авторитета) к индивидуальным (принцип авторства) формам развития человеческой культуры. Само место образа человека в рамках повествований о войне и мире рождается только на фоне отчетливого перехода автора от смыслов прошлого к ценностям будущего. В этом плане умение автора выстраивать художественный мир военного повествования вокруг организующего центра – образа человека – не предполагает акцента ни на характере, ни на личности, но только на самой границе возможной встречи всех форм человеческого опыта присутствия я-в-мире.

Технологический подход [4] актуализирует корреляцию «мотив» – «средство» – «цель». Здесь основное внимание автора и повествователя должно быть полностью сосредоточено на персонаже, отмеченном высокой степенью активности. Такая фактура оказывается актуальной исключительно для военных повествований, встроенных в «авантюрный хронотоп» (М. М. Бахтин [1]), то есть поток постоянных и невероятных случайностей и перемен. Такая констелляция оказывается оправданной только за счет снижения рефлексивных и когнитивных начал в структуре героя. Он не думает, а просто действует наперекор всем обстоятельствам и даже себе самому. Здесь каноническая фигура эпического героя, статус которой подтверждается в событии национально-репрезентативного подвига, уступает свое место масс-культурному сверхгерою, который побеждает всегда (формальное единство цели), используя эффективные средства (формальное единство средств). Этот сверхгерой выше войны, потому что он сам является чистой формой идеального воина. Не война его вызывает на поле брани, а он сам провоцирует военные действия, выживая в любых экстремальных обстоятельствах. На первый взгляд, такая конфигурация не привлекала самостоятельного внимания отечественных военных писателей, всегда обремененных извлечением морального или исторического урока из изображенного. Но, при более внимательном анализе военно-повествовательной субтрадиции, мы постоянно сталкиваемся с примерами произведений, подлежащих не аксиологической оценке или онтологическому осмыслению, а именно технологической квалификации. Даже в том случае, когда во главу угла ставится не внешне технический, а внутренне событийный аспект изображаемого, в конечном счете, все сводится к определению предельно эффективной линии выбора средств для достижения локальных целей. На наш взгляд, так называемая проблема предательства, столь часто возникающая в рамках военных повествований, принадлежит именно этой возможности и никак не связана с темой героизма, аксиологической по характеру своей репрезентации. Герой и предатель в принципе не могут встретиться в рамках архитектурных решений отдельного произведения.

Наконец, **феноменологический подход** [5], кроме своей подрывной роли по отношению к другим методологическим позициям, обладает и собственной территорией. На что, прежде всего, может обращать внимание феноменолог, анализируя военное произведение? Конечно же, не на онтологическое усилие автора, не на технические способности повествователя-рассказчика и не на прагматику жизненных ценностей персонажей, но на то, что С. Н. Бройтман, развивая идеи А. Ф. Лосева, точно определил термином «меонация» [2], обозначив им все принципиальные моменты исчерпания, умаления, исчезновения, отрицания ценностей, смыслов, целей поэтической реальности. В рамках военного повествования «зона меонации» останавливает человека на пороге природно-ориентированных состояний, тем самым закрывая для него возможность прорыва в область нравственно-духовных сверхсобытий. В контексте военной субтрадиции действительно обнаруживается широкий диспозитив таких пороговых состояний, обусловленных тем, что человек, оказавшийся в ситуации войны, сталкивается со спонтанными проявлениями инстинктов, фобий, аффектов и пр., постоянно ощущает уязвимость своего тела, слабость души и ущербность духа. Даже в том случае, когда он оказывается еще способным выдержать тотальное давление военных обстоятельств, он перестает выступать в качестве единственной универсальной меры безмерного катастрофизма и ужаса самой Войны. Неслучайно многие писатели подчеркивали неуловимость проявлений войны и феноменальное многообразие ее ипостасей.

Подводя итоги, отметим ряд существенных моментов, которые определяют особенности исследования военных произведений.

Во-первых, необходимо отчетливо разграничивать две установки – интерпретационную и аналитическую: если задача первой заключается в репрезентации художественного смысла в рамках определенного социокультурного контекста, то цель второй – в реактуализации сверхсмысла в контексте «большого времени культуры» (М. М. Бахтин [1]).

Во-вторых, выбирая более широкий круг методологических позиций, необходимо учитывать то обстоятельство, что они находятся в напряженных эквивалентных соотношениях за счет двух дихотомий: вертикальной (аксиология/онтология) и горизонтальной (технология/феноменология). Это означает, что для осуществления анализа из каждой дихотомии нужно выбирать только одну позицию и соответствующий ей метаязык.

В-третьих, в историко-литературном контексте двух последних столетий практически невозможно найти военное произведение, которое аналитически фиксировалось бы из всех четырех точек; тем не менее, исследователь должен выстраивать иерархию методологических рамок. Это позволит выстроить наиболее адекватный аналитический алгоритм.

В-четвертых, предложенное расширение спектра методологических рамок позволяет выявить магистральную тенденцию развития теоретического осмысления указанной военно-повествовательной субтрадиции. Можно говорить о двух циклах, первый из которых (1940-1950-е гг.) связан с интересом к аксиологическим и технологическим ракурсам самой военной темы; а второй (с рубежа 1950-1960-х гг.) был в большей степени ориентирован на онтологические и феноменологические аспекты военной реальности.

В-пятых, предлагаемая концепция позволяет выделять ключевые типологические фигуры писателей, в творчестве которых был представлен опыт освоения и воплощения четырех граней военной прозы. Это, с одной стороны, Б. Полевой «Повесть о настоящем человеке» (технологический подход), А. Фадеев «Молодая гвардия» (аксиологический); а с другой – В. Войнович «Жизнь и приключения солдата Ивана Чонкина» (онтологический) и А. Азольский «Диверсант» (феноменологический подход). Уникальное место в этом магистральном контексте принадлежит романной дилогии В. Гроссмана, первая часть которой («За правое дело») принадлежит еще раннему канону, а вторая («Жизнь и судьба») относится к неканонической форме повествования.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 22-88.
2. Бройтман С. Н. Историческая поэтика: учеб. пособие. М.: РГГУ, 2001. 420 с.
3. Генисаретский О. И. Упражнения в сути дела. М.: Рус. мир, 1993. 278 с.
4. Никитин В. А. Траектории и технологии преобразований культуры. Тольятти: Изд-во Международной академии бизнеса и банковского дела, 1997. 87 с.
5. Подорога В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995. 340 с.
6. Смирнов И. П. Олитературное время. (Гипо)теория литературных жанров. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2008. 264 с.

A RANGE OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE WAR PROSE ABOUT 1941-1945

Maksimov Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
v_v_maksimov@rambler.ru

The basic goal of the article is to expand the range of methodological approaches to the prose dedicated to the theme of the Great Patriotic War. Among the traditional ways of literary interpretations of war texts the author examines the possibilities and limits of axiological, ontological, technological and phenomenological approaches.

Key words and phrases: methodological approach; artistic meaning; war creation.

УДК 378.02:37.016

Педагогические науки

Статья посвящена проблеме обучения будущих переводчиков редактированию и саморедактированию письменного перевода. Приведен обзор зарубежных публикаций по данной проблеме. Предложен комплекс упражнений по обучению студентов редактированию и саморедактированию с целью повышения качества их письменных переводов. Приведены примеры упражнений.

Ключевые слова и фразы: письменный перевод; редактирование; саморедактирование; качество перевода; переводческая ошибка; комплекс упражнений.

Максютина Ольга Викторовна, к. пед. н.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
maksyutina@rambler.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧЕНИИ РЕДАКТИРОВАНИЮ И САМОРЕДАКТИРОВАНИЮ ПЕРЕВОДА ©

На сегодняшний день существует лишь небольшое количество исследований в области редактирования переводов, под которым понимаются скорее языковые или стилистические исправления, то есть корректура. Несмотря на то, что процесс редактирования перевода не имеет четких границ и может возникать на любом